

Отмечу, впрочем, что аналогичное место есть и у Ломоносова, в оде на прибытие из Голштинии и на день рождения Петра Федоровича 1742 г., в строфе 13:

«Млеком и медом напоенны
Тучнеют влажны берега» . . .

(Ук. соч., стр. 126).

Однако оба сумароковские текста ближе к пародии Эмина, поскольку у Сумарокова, как и у Эмина, реки текут млеком и медом, тогда как у Ломоносова млеком и медом напоены берега.

Так или иначе, не настаивая на том, что пассажи Эмина о водяном своде и реках, текущих млеком и медом, обязательно относятся к Сумарокову, я считаю возможным утверждать, что в разговоре об ожеребившихся роспусках, несомненно, имеется в виду Сумароков. И если даже мы признали бы, что «стихотворец» Эмина — целиком Ломоносов, то мы должны были бы только сделать вывод, что «матроз» — это Сумароков, и что, издеваясь над распрей стихотворца с матрозов, Эмин издевается над борьбой Ломоносова с Сумароковым.

В 1760 г. в журнале кадетского корпуса «Праздное время в пользу употребленное» (напомню, что Эмин служил в кадетском корпусе), в номере от 14 октября, Сумароков напечатал притчу «Коршун в павлиньих перьях». Здесь рассказывалось об этом коршуне, переодетом павлином:

«Павлин мой чванится и думает павлин,

Что едакой великой господин

На свете он один:

И туловище все, все гордостью жеребо,

Не только хвост его, и смотрит только в небо. . .»

(1760, т. II, стр. 243; потом в «Полном собрании сочинений Сумарокова», 1781, т. VII).

Укажу также, что Сумароков понимает в басне под коршуном — крестьянина, «мужика» в чести, ставшего «великим господином», и дает такие сентенции:

«С чинами дурости душ подлых возрастают» и т. п.

Хотя Сумароков оговорил в конце притчи, что он имеет в виду взяточников из «подлых» людей, т. е. в первую очередь подьячих, но за басню вполне могли обидеться и другие выходцы из «низов» в чинах, и прежде всего сам Ломоносов, а может быть, и Эмин.

Во всяком случае, нашлись литераторы, которые придрались к выражению «туловище всё, всё гордостью жеребо», и стали бранить его, повидимому, с точки зрения правильности языка. Только так можно понять текст притчи Сумарокова «Коршун»